

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.6.10>

УДК 329.11(470+571)

ББК 66.1(2)–17

СТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ И КОНСОЛИДИРУЮЩИЕ РЕСУРСЫ КОНСЕРВАТИЗМА В РОССИИ

Часть первая

Лотарев Константин Анатольевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Волгоградский филиал)
lotarev16@mail.ru
ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Одной из основ консерватизма является государственное регулирование общества. Государство существует для того, чтобы охранять общество и человека от волонтаристских проявлений и вольного понимания личной свободы, от негосударственного принуждения и даже насилия, от проявления эгоистических личных и корпоративных интересов. Автор считает, что мощь государства значительно возрастает, когда оно опирается на традиции прошлого, а не на идеалы будущего.

Ключевые слова: консерватизм, мировоззрение, идеология, консолидация общества, политическая культура, гражданское общество.

В настоящее время по проблематике политической культуры и идеологий пишут много. Однако глубоких работ, посвященных российскому консерватизму и написанных специалистами в этой области, по-прежнему недостаточно. Это касается главным образом политологической литературы. Данное обстоятельство объясняется тем, что плодотворное и практически значимое изучение различных аспектов консерватизма сопряжено с необходимостью исторических знаний – много-

уровневой эмпирики. Это никак не противоречит предметному полю политической науки, являющейся интегративной, в рамках которой заметное место занимает направление, определяемое как историческая политология. Изучаются труды философов и мыслителей, в меньшей степени – деятельность государственных сановников, непосредственных участников административных и политических процессов. С одной стороны, исследование идей и теорий, с другой – попытки провести

сложный анализ практической деятельности государственных деятелей, оказавших реальное и заметное влияние на развитие государства и общества.

В отечественной истории 1991 год качественно изменил движение политического процесса. СССР прекратил свое существование, и политические деятели юридически «нового» государства – демократической Российской Федерации, самым радикальным образом создавая новые принципы взаимоотношений, новые институты власти, экономики, неизбежно встали перед необходимостью создания нового законодательства и всей правовой системы. Практические проблемы реальной жизни поставили перед обществом, государством и наукой сложнейшие вопросы. Одни из них определила сама действительность, другие поставили социальные науки.

Короткий период «яковлевской деидеологизации» конца 80-х гг. прошлого века прошел так же незаметно, как и начался. В условиях 90-х гг. новому политическому курсу была крайне необходима иная, совершенно новая идеология, способная его обосновать. Новые отношения собственности, создание и укрепление рыночной экономики и демократического политического строя не оставляли места коммунистической идеологии по причине отказа от нее подавляющего большинства общества. Идеологией правительства России стал либерализм. Однако проводимая радикально, зачастую искажая основы истинного европейского либерализма, либеральная идеология вызвала общественное неприятие, повлекшее за собой коррекцию внутриполитического курса в сторону консерватизма. Но консерватизм, также как и либерализм в свое время, проявлял себя более элементарно и непоследовательно. «Консервативную нишу» пытались занять и освоить не один раз. В научной литературе этим аспектам было уделено заметное внимание, в частности, онтологическим основам российского консерватизма и возможностям его утверждения в обществе и государстве [5, с. 139–263; 6].

До 1995 г. в научной периодике можно увидеть хронологическую последовательность появления новых специальных статей, посвященных консерватизму. В методологическом и онтологическом аспектах работы А.М. Миг-

раняна [7], Т.М. Фадеевой [8], Т.А. Капустиной [3], Т.А. Филипповой [9], В.Ф. Шаповалова [11] представляют особый интерес, особое их значение заключается в том, что, пожалуй, впервые в отечественном историческом и политологическом знании консерватизм как политический и социокультурный феномен стал рассматриваться непредвзято, как было принято в советское время. Более того, консерватизм был впервые показан как стабилизирующий феномен, связывающий прошлое с будущим.

Казалось, вышеуказанные работы должны были утвердить в последующих исследованиях правильное понимание консервативного феномена и объективную его глубину. Однако и в настоящее время нередко встречаются легковесные публикации, написанные, как правило, по причине периодических «всплесков моды» на эту тему. Между тем как наука продвигается вперед, ее достижения, к сожалению, не сдвинули камень с мертвой точки и остаются неведомыми, в частности, для выпускников среднеобразовательных школ, готовящихся к сдаче единого государственного экзамена. Отрыв в некоторых важных вопросах научного знания от знания и восприятия, в частности школьного поколения, есть результат отсутствия последовательной и грамотной государственной политики в сфере образования.

Различные определения консерватизма предполагают дальнейшие терминологические дискуссии. Более верным и продуктивным представляется путь не поиска совершенного и полного определения консерватизма, а путь определения его сущностного содержания. Как бы в частности не отличались интерпретации исследователей, все они оперируют определенным набором базовых свойств, составляющих основу консерватизма. Отмечается, что главная функция консерватизма – охранительная, вся политическая, идеологическая и культурная деятельность консерваторов направлена на предупреждение революций, гражданских войн и крутых исторических перемен [1, с. 52]. Видимо, человеческой природе свойственно тяготение к спокойствию и размеренности жизни. В качестве яркого примера можно привести древнекитайское проклятие, созданное в чиновничье-бюрократической среде и адресовавшееся при

случае одному из действующих лиц конфликта: «Жить тебе в эпоху перемен!»

Для консерватизма государственное регулирование общества является одной из основ. Государство существует для того, чтобы охранять общество и человека от волюнтаристских проявлений и вольного понимания личной свободы, негосударственного принуждения и даже насилия, проявления эгоистических личных и корпоративных интересов. Мощь государства значительно возрастает, когда оно опирается на традиции прошлого, а не на призрачные идеалы будущего. В вечном противоречии личности и общества консерватизм всегда отдает предпочтение обществу; личность должна повиноваться общественным нормам, свободное подчинение которым и делает человека полноценной и полезной личностью.

«Для консерватизма характерна ретроспективность социального и государственного идеала» [1, с. 52]. Не только Англия XVII в., пережившая революцию и диктатуру Кромвеля, вернулась к монархическому строю. Монархии сохранились и в других ведущих странах Европы. Сама история показывает, что общество, разделенное ненавистью, в конечном итоге устает от неопределенности и войны и находит желаемое примирение и социальное спокойствие под скипетром монарха, пусть и конституционного. Более того, в других ведущих странах Европы, утративших монархию, в конечном итоге с течением времени в общественном сознании доминирует уважение к истории эпохи монархии и трепетное уважение к гербу, короне и всей прочей символике и атрибутике.

Современная Россия еще не относится ни к первым, ни ко вторым. Но определенные и вполне заметные сдвиги все же происходят. Неоднократные неофициальные (начало 90-х гг. XX в.) и официальные визиты (2006, 2011, 2012 гг.) в Россию главы Императорского Дома Романовых великой княгини Марии Владимировны говорят о многом, и прежде всего о том, что руководство Российской Федерации открыто к диалогу и сотрудничеству и рассматривает отношения с Российским Императорским Домом Романовых как часть созидательной и примирительной политики. 28 июня 2009 г. директор канцелярии великой княгини А. Закастов проин-

формировал российскую и мировую общественность о желании Императорского Дома Романовых вернуться в Россию.

Представители Императорского Дома говорят о возможностях восстановления институции, так как с 1917 г. Императорский Дом находится в изгнании. Необходимо помнить, что поскольку в настоящее время Русская православная церковь переживает время небывалого подъема, во многом обеспеченного поддержкой руководства Российской Федерации, она (церковь) в догматике своей неотделима от института Государя Всероссийского как Помазанника Божьего. Эта целостность иногда забывается, и не только гражданами, но и властями предрержащими. Онтология русского консерватизма включает в себя институт монархии как высокую нравственную идею.

В силу этого весьма желательным было бы преодоление в обществе употребления оскорбительных и уничижительных словообразований, изобретенных радикальным большевистско-коммунистическим сознанием, как-то «царизм», «Николай Кровавый» и многие другие. Подобные словообразования можно еще нередко слышать и в обыденной среде, и в среде интеллектуалов, и из уст представителей государственной власти. Речь идет о необходимости воссоздания уважения к многотрудной и великой истории Российского государства, объединявшей народы независимо от вариантов объединения.

Руководитель синодального отдела РПЦ по взаимодействию с общественными организациями Всеволод Чаплин, в частности, отметил: «Конечно, статус религиозной организации, какой является Русская православная церковь, императорскому дому вряд ли подходит. Но в то же время через диалог с органами власти и обществом императорский дом мог бы найти форму присутствия в России» [10, с. 12].

Консерваторы с уважением относятся к прошлому, оправдывая его исторической необходимостью и находя в нем привлекательные черты. Историческое прошлое в консервативном сознании созвучно известному парадоксу Августина Блаженного о времени. По Августину прошлое имеет смысл постольку, поскольку оно продолжается в настоящем, поэтому правильнее говорить не о прошлом, а

о настоящем прошлом. Будущее рассматривается как однородное прошлому, а также настоящему. Таким образом, история рассматривается как непрерывный процесс, наиболее ценными характеристиками которого являются стабильность и устойчивое развитие. Идеиные оппоненты и идеологические противники консерватизма на этом основании обвиняют консерваторов в реакционности и ретроградстве [1, с. 52–53].

Безусловно, сложным является вопрос о том, какое именно прошлое можно представлять в качестве исторического образца. И этот вопрос усложняется еще более сильно, если его ставить по поводу современной России. Наша страна пережила в XX в. самые масштабные трансформации государственного строя, государственных институтов, институтов собственности, общественных институтов. Сформировалось качественно иное восприятие социального мира, положения человека в этом мире. Идеологически утверждалась утопия, что строится мир равных людей. Внедрялись в сознание ложные и опасные, как показало время, идеи, ради утверждения которых можно было использовать все имеющиеся средства и возможности. Масштабный эксперимент потерпел крах, но оставил изуродованное противоречиями социальное пространство, в котором все же не все вошли в состояние *homo soveticus* и *homo communisticus* [2].

Ведущее место в образцах прошлого занимают предпочтения, прямо связанные с предшествующей стадией развития, когда то, что утрачено, сохраняется в памяти еще живущих старших поколений как ценности предыдущей эпохи. Вокруг этих ценностей и концентрируются «реставрационные идеологии», ценностное ядро которых объединяет ностальгия по только что ушедшему времени, а недавнее прошлое оценивается исключительно позитивно. Позитивные оценки прошлого тем выше, чем дальше социальная система выходит за пределы эволюционной устойчивости. В российской истории не так трудно увидеть, что за разочарованием в очередных реформах, имеющих своей главной целью включить страну в сообщество развитых европейских государств, всегда следуют поиски особого пути России, сущность которого состоит в возвращении к исконным традициям, рели-

гии и уникальному устройству общества и государства. «Исконность» легко обнаруживается не только в мифических временах Святой Руси, но и в коллективизме, интернационализме, патриотизме и прочих во многом также принадлежащих мифу о прелестях брежневской поры [1, с. 53].

Консерватизм защищает прошлый, или «вечный», традиционный порядок вещей. Можно сказать, что консерваторы есть идейный форпост общества, стоящий на страже его исторической преемственности, «штопающий» разрывы преемственного развития, создаваемые радикальными реформаторами и революциями.

В кризисные эпохи консерватизм становится силой, противодействующей радикальным изменениям. Если консерваторы оказывают активное противодействие, их называют реакционерами. Если их отношение к изменениям в обществе более терпимо, возникают возможности некоторого сближения с умеренными либералами. А в условиях борьбы за голоса во время избирательных кампаний появляются некие мутанты типа «либерального консерватизма», который рационализирует развитие общества и его институтов в терминах Истории, Бога, Природы Человека, соотнося развитие с традиционными ценностями. Колебания между стремлением «подморозить» изменения и одновременно реформировать общество создают риск потери консервативной идентичности. Теоретически опасность такого рода можно обойти, но потери для целостной концепции могут оказаться необратимыми. Из синтеза целостных констант и функциональных идей консерватизм рискует превратиться в набор слабо связанных между собою социально значимых достоинств и моральных императивов [там же, с. 53–54].

Консерватизм – это сложное мировоззрение, столь широкое, что в условиях политической или социально-экономической необходимости оно становится определяющим источником для формирования определенной идеологии, ставящей вполне определенные и прагматические цели.

Обращаясь к политической истории России, следует отметить, что консерватизм в общественной мысли как течение зарождается в XVIII в. – времени, предельно насы-

щенном событиями и достижениями огромной важности и значения. Новые масштабные и качественные трансформации в государственной и общественной сфере России с новой силой проявили себя во второй половине XIX века. И как эпохи Петра I и Екатерины II, пореформенная Российская империя по-разному оценивалась и современниками, и частью образованного общества, и наукой настоящего времени. Различные оценки, как общественные, так и научные, нередко отличаются противоречивостью. И Россия в данном контексте не является исключением. Так, например, в свое время и англичане, и французы расходились в своих оценках произошедших революционных процессов от пиетета до определения их как «пуританский путч» и «великая бойня».

Безоговорочно оказался прав консервативный писатель и историк Н.М. Карамзин, писавший о революционной Франции: «Переменит ли Франция свою ужасную систему, или Бог переменит Францию, – неизвестно, но бури не вечны!» [4, с. 133]. Консервативное кредо ученого заключается в следующих словах: «Благоразумная система в жизни продолжает жизнь человека, – благоразумная система Государственная продолжает век Государства; кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкого действия, но благодаря Всевышнему, сердце мое им не верит, – вижу опасность, но еще не вижу гибели» [там же, с. 131–132].

Просвещенный консерватизм исходит из важнейшего своего онтологического основания – крайне радикальные средства, сопровождаемые расколом общества и потоками крови, наносят сильнейший вред общественному сознанию, обрекают людей на тяжелое и непредсказуемое будущее. С высоты времени это видно. Но так или иначе Англия и Франция пережили тяжелые эпохи, сохранили свое государственное могущество, но социальное относительное спокойствие было восстановлено не скоро. Следует отметить, что Н.М. Карамзин не был зажат корпоративно-сословными «неизменностями». Он справедливо полагал, что стабильность государственного и социального организма не будет нарушена при понимании важного консервативного конструкта, заключенного в древней философско-религиозной сентенции: «времена ме-

няются, и мы меняемся вместе с ними». Ученый выражал взгляды наиболее дальновидной консервативной оппозиции, недовольной некоторыми проектами М.М. Сперанского [5, с. 182–189].

Власти предрержащие в древние и ближние эпохи по-разному пытались достигать относительно стабильных государственных и общественных отношений. Это определялось и определяется многими факторами: и материальными (уровень развития производительных сил, ресурсы, геополитическая ситуация и др.), и духовными (уровень развития культуры и образованности, монотеистическая религия, развитие законодательства и правовой системы). Вместе с тем, исходя из консервативного органического восприятия социально-государственной реальности, отметим следующее, казалось, банальное, но вместе с тем нередко забываемое или непонимаемое обстоятельство: неотъемлемой чертой общества (за исключением стадии дикости) является корпоративность; общество неизменно развивается как в целом, так и в его частях; социальные слои развиваются неравномерно. Абстрагируясь от многих частных и исключений, подчеркнем главное: чем выше материальный уровень (а следовательно, и больший властный ресурс) того или иного социального слоя, тем быстрее он может развиваться и в экономическом, и в духовном плане.

Иными словами, высшие слои общества и особенно власти предрержащие эволюционируют быстрее и в силу этого в определенные эпохи определяют движение к качественным изменениям в области социальных отношений – распределение ресурсов и деятельностных возможностей, степень участия в гражданских и государственных делах. Ярким тому примером может быть политика просвещенного абсолютизма в ведущих странах Европы второй половины XVIII века. Начинают закладываться в сознание дворянского и городского сословия общегуманистические принципы социального взаимодействия и, как следствие, развитие новых принципов в законодательстве и всей правовой системе.

Неверным представляется мнение, что феодальная эпоха была деспотической, где все было сосредоточено в воле аристократии и монарха. И до настоящего времени, к сожа-

лению, не является редкостью инерция «многупрощающего» позитивизма. Когда города-республики (Венеция, Генуя, Новгород, Псков и др.), а также вольные города рассматриваются не более как исключение, тогда вообще невозможно увидеть эволюционной преемственности и вместе с тем немалого разнообразия форм, которые дала человеческой истории феодальная эпоха – эпоха средневековья.

Города-республики и вольные города представляли собой устойчивый государственный и политико-правовой феномен. Впрочем, феодальная эпоха давно уже не рассматривается как мрачная и неизбежно сокрушаемая «прогрессивными силами», в частности, в лице буржуазии. Средневековье создало многочисленные и разнообразные формы социального, правового и политического действия, с неизбежностью оформлявшихся и в системе постоянно развивающегося законодательства – от прецедентного к системно кодифицированному, а на закате Средневековья – к конституционному. При этом следует помнить, что монархи феодальной эпохи, в частности, Дании, Швеции, Бельгии, России и др., не были чужды конституционным идеям, хотя сами конституции и народное представительство понимались иначе, что, впрочем, естественно и объясняется уровнем развития социально-государственной жизни и ее осмысления. Яркий тому пример – образованность и широта мышления российского императора Александра I, а также конституционные проекты, разрабатываемые в дворянской среде. Это показывает, что позитивистская формула последовательного развития и детерминирования «экономика – государство – право» не выглядит безупречной.

В таком контексте представляется, что развитие правовой системы во многих ее составляющих нередко основывается на просвещенной политической воле и исходит из правовой мысли, которая в своей теоретической части предвосхищает достижения будущего времени. А общая тенденция более чем заметно проявляет себя в гуманистическом движении развития законодательства и всей правовой системы. Здесь имеется в виду Христианский Запад, но не только в географическом аспекте, а в более широком – социокультурном и политическом.

История России дает нам немало примеров, подтверждающих вышеизложенное: деятельность императрицы Екатерины II, императоров Павла I и Александра I, общественных и государственных деятелей: Н.М. Карамзина, М.М. Сперанского и многих других.

Но более впечатляющие изменения, на которые смело шло российское самодержавие, произошли во время правления императора Александра II.

Вероятно, самой смелой и далеко идущей в череде буржуазно-либеральных реформ была судебная реформа. Введение суда присяжных – яркое и значительное достижение буржуазной правовой мысли, которое практически утвердилось в самодержавной империи. Более того, то «буржуазно-либеральное явление» было помещено в совсем не либеральную среду и реальность. И как работало! Как повлияло на сознание широких общественных слоев! И как должным образом оценить официальное звание «почетный гражданин»? И это все в феодальной и самодержавной стране. Камнем преткновения стали только попытки утвердить в России несменяемость судей как единственную и реальную гарантию их независимости.

Успешным противником этой идеи выступал профессор права, обер-прокурор Святейшего Синода, один из самых влиятельных сановников в правительстве императора Александра III. Но мотив К.П. Победоносцева был не политическим. Его аргументация была основана на проблеме кадрового состава судейского корпуса. Суть ее состояла в разрыве преемственности поколений судейских кадров: зрелые по возрасту и опытные судьи были в меньшинстве на фоне преобладания недавних выпускников университетов. Потому К.П. Победоносцев считал временно невозможным давать такой высокий статус неопытным молодым судьям.

Современная ситуация представляется более сложной. До настоящего времени нет еще в практической политике системного консервативного начала, призванного к усилению не только самого государства, но главное – общества. В силу этого реформирование правовой системы в современной России идет значительно сложнее, и определяется это макропроцессом выхода России из последствий

социалистическо-коммунистического тупика и переходом к естественно-историческим формам социально-экономического и политического развития. Сложности объясняются и другими причинами. Россия в настоящее время идет по пути системных изменений, затрагивающих все сферы государственной, политической и гражданской жизни. Тем не менее движение в правовых реформах заметно. В частности, значительно усилилась роль Конституционного Суда, а также роль и влияние правозащитных организаций. Россия мораторием приостановила применение смертной казни, между тем как в некоторых странах Запада и США она используется.

Процесс реформ всегда сложен и тем более тогда, когда создаются и утверждаются качественно новые формы и принципы – институциональные и функциональные. Но правовые реформы несут особую миссию – миссию регулирования всех социально-экономических и политических отношений. В научной полемике представляется интересным противоположение двух исключających друг друга, но вместе с тем при определенных условиях и с конвергирующихся точек зрения:

1) чтобы изменить общество, нужно изменить законы;

2) чтобы изменить законы, нужно изменить общество.

Но история и сама жизнь показывают, что проблема состоит не в том, что мы видим два противоположных мыслительных конструкта, а в том, что они отнюдь не противоположны и в реальности исторического времени пересекаются друг с другом, подобно тому, как взаимно влияют друг на друга субъекты власти и правовая наука.

Обращаясь к современной политической истории России, приходится признать, что общество во внутреннем своем состоянии остается конфликтным. Если максимально коротко и понятно подтвердить это положение, то можно сказать так: причина конфликтности (латентной и нелатентной) заключается в отсутствии сложившейся и воспроизводящейся гражданской и политической культуры. Источником этой реальности остаются: малая гуманитарная образованность; зачастую негативное влияние СМИ и масс-медиа; неизбежно усилившееся потребительское сознание;

правовой нигилизм; отсутствие элементарной экологической культуры (как на уровне хозяйствующих субъектов, так и на социальном уровне); незащищенность граждан в сфере общественного производства – материального, образовательного и духовного; отсутствие системной государственной политики в вопросах помощи различным категориям граждан – от сирот, пенсионеров и инвалидов до социально деградирующих; низкий уровень жизни значительной части общества на фоне крайней поляризации доходов; нередко дикий и безответственный бизнес, в том числе и преступный; неуважение к любому конкретно производительному труду, что проявляется в зарплатах, едва ли соотносимых с добротным уровнем жизни и самоуважением.

Все указанное выше далеко не исчерпывает всех негативных сторон социальной жизни, но следует признать, что в определенной мере и институты государственной власти, и общественные институты прилагают определенные усилия к преодолению этих социальных болезней и состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баландина, Э. Г. Образы России в консервативном сознании 90-х годов XX века / Э. Г. Баландина // Идеология консерватизма в России : материалы I науч.-практ. конф., г. Волгоград, 1 июня 2004 г. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2005. – 224 с.

2. Грушин, Б. А. В России кипит неслыханный бульон / Б. А. Грушин // Комсомольская правда. – 2001. – 15 февр. – С. 16.

3. Капустина, Т. А. Николай I / Т. А. Капустина // Вопросы истории. – 1993. – № 11/12. – С. 57–65.

4. Карамзин, Н. М. Записка о древней и новой России / Н. М. Карамзин. – СПб. : Тип. М.Н. Толстая, 1914. – С. 115.

5. Лотарев, К. А. Либерализм и консерватизм в России: онтологические основы и политическое развитие / К. А. Лотарев, А. Д. Никотин. – Волгоград : Изд-во ВАГС, 2008. – 264 с.

6. Лотарев, К. А. Политический консерватизм в процессе реформирования российского общества. История и современные проблемы : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Лотарев Константин Анатольевич. – М., 1995. – 24 с.

7. Мигранян, А. М. Переосмысливая консерватизм / А. М. Мигранян // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 114–122.

8. Фадеева, Т. М. Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов / Т. М. Фадеева // Социологические исследования. – 1991. – № 12. – С. 44–53.

9. Филиппова, Т. А. Мудрость без рефлексии. Консерватизм в политической жизни России / Т. А. Филиппова // Кентавр. – 1993. – № 6. – С. 49–60.

10. Чаплин, В. Императорский дом встраивается в Россию / В. Чаплин // Коммерсантъ. – 2009. – 29 июня (№ 114/П (4169)). – С. 11–15.

11. Шаповалов, В. Ф. О перспективах консервативной партийной политики в России / В. Ф. Шаповалов // Социологические исследования. – 1994. – № 4. – С. 37–46.

4. Karamzin N.M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii* [A Note on Ancient and New Russia]. Saint Petersburg, Tipografiya M.N. Tolstaya, 1914, p. 115.

5. Lotarev K.A. *Liberalizm i konservatizm v Rossii: ontologicheskie osnovy i politicheskoe razvitie* [Liberalism and Conservatism in Russia: Ontological Bases and Political Development]. Volgograd, Izd-vo VAGS, 2008. 264 p.

6. Lotarev K.A. *Politicheskiy konservatizm v protsesse reformirovaniya rossiyskogo obshchestva. Istoriya i sovremennye problemy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Political Conservatism in the Course of Reforming the Russian Society. History and Contemporary Problems. Cand. polit. sci. abs. diss.]. Moscow, 1995. 24 p.

7. Migranyan A.M. *Pereosmyslivaya konservatizm* [Reinterpreting the Conservatism]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 11, pp. 114-122.

8. Fadeeva T.M. *Sotsialnye revolyutsii i traditsii: tochka zreniya konservatorov* [Social Revolutions and Traditions: Point of View of Conservatives]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1991, no. 12, pp. 44-53.

9. Filippova T.A. *Mudrost bez refleksii* [Wisdom Without Reflection]. *Kentavr*, 1993, no. 6, pp. 72-80.

10. Chaplin V. *Imperatorskiy dom vstraivaetsya v Rossiyu* [Imperial House Builds Itself into Russia]. *Kommersant*, 2009, June 29 (no. 114/P (4169)), pp. 11-15.

11. Shapovalov V.F. *O perspektivakh konservativnoy partiynoy politiki v Rossii* [On the Prospects of Conservative Party Policy in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994, no. 4, pp. 37-46.

REFERENCES

1. Balandina E.G. *Obrazy Rossii v konservativnom soznanii 90-kh godov XX veka* [Images of Russia in Conservative Consciousness of the 1990s]. *Ideologiya konservatizma v Rossii. Materialy I nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Volgograd, 1 iyunya 2004 g.* [Ideology of Conservatism in Russia. Proceedings of the 1st Research and Practice Conference, Volgograd, June 1, 2004]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, 2005. 224 p.

2. Grushin B.A. *V Rossii kipit neslykhanny bulyon* [Unprecedented Broth is Boiled in Russia]. *Komsomolskaya pravda*, 2001, Febr. 15, p. 16.

3. Kapustina T.A. *Nikolay I* [Nicholas I]. *Voprosy istorii*, 1993, no. 11/12, pp. 57-65.

STABILIZING AND CONSOLIDATING RESOURCES OF CONSERVATISM IN RUSSIA

Part I

Lotarev Konstantin Anatolyevich

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor,
Department of History and Theory of Policy,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Volgograd Branch)
lotarev16@mail.ru
Gagarina St., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The author believes that the governmental regulation of a society is one of the bases of conservatism. He thinks that the state exists in order to protect society and a person from forcible manifestations and free understanding of personal liberty, from non-state coercion and even violence, from manifestation of egoistical personal and corporate interests. Power of the state considerably increases when it relies on traditions of the past rather than the ideals of the future.

The conservatism as a political trend historically developed as force fastening a public organism. The author of this article believes that only conservatism possesses the real stabilizing resources capable to consolidate society of modern Russia. The author also recognizes that nowadays government and public institutes make certain efforts for overcoming certain social diseases.

The continuity and progressiveness of the state and social development define fundamentals of ontology of conservatism as the world outlook and a political trend. The Russian State is still at the stage of transition period. The formation of strong democratic institutes has not yet been completed. One of the main problems is the need for public consolidation. Now only the conservatism has sufficient resources and opportunities for the solution of this problem.

Key words: conservatism, world outlook, ideology, society consolidation, political culture, civil society.